

Н. М. Виноградова

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В ЮГО-ЗАПАДНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

На территории Юго-Западного Таджикистана до недавнего времени были открыты и раскопаны только памятники поздней эпохи бронзы. Новые материалы раскопок могильника Гелот, особенно найденная в земледельческом погребении каменная статуэтка раннесапаллинского времени, свидетельствуют о формировании здесь в конце III – начале II тыс. до н.э. бактрийско-маргианской цивилизации.

Ключевые слова: культура, поселение, могильник, погребение, керамика, бронза, хронология, Средняя Азия.

Выдающаяся роль в исследовании памятников эпохи бронзы в Таджикистане принадлежит Б.А. Литвинскому. В 1950-е – 1960-е годы он совместно с сотрудниками сектора археологии и нумизматики Института истории им. А. Дониша проводит интенсивные исследования по изучению памятников эпохи бронзы. В результате этих работ были открыты стоянки кара-кумской культуры в Ферганской долине¹, вахшские могильники в низовьях рек Вахш и Кызылсу² и первое поселение андроновской культуры около Курган-Тюбе³. Эти памятники исследователи традиционно относят к степным скотоводческим комплексам. В 1972 г. под руководством Б.А. Литвинского была создана Южно-Таджикская археологическая экспедиция⁴. Сотрудникам экспедиции удалось открыть целый ряд поселений и могильников земледельческой культуры⁵ ранее неизвестной на территории Южного Таджикистана. Эти памятники не являются здесь автохтонными, и генетически они связаны с земледельческим населением сапаллинской культуры Северной Бактрии на ее финальных этапах развития (молалинская и бустанская фазы). Последние датируются эпохой поздней бронзы.

Для земледельческих памятников Бактрии и Маргианы исследователи предлагают различные названия: культура Намазга⁶, культура Окса⁷, сапаллинская культура⁸, Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК)⁹. В дальней-

Виноградова Наталия Матвеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

¹ Литвинский 1962, 89–300.

² Литвинский 1973, 9–10.

³ Литвинский, Соловьев 1972, 43–44.

⁴ Южно-Таджикистанская археологическая экспедиция объединяла сотрудников трех учреждений – Института истории, археологии и этнографии АН Таджикистана, Института востоковедения АН СССР и Государственного Эрмитажа.

⁵ Пьянкова 1979, 78–92; 1987, 117–125; 1994, 157–165; Виноградова 2004.

⁶ Kohl, 1981, VII.

⁷ Francfort, 1984, 174; Salvatori, 2004, 92.

⁸ Аскаров 1977, 5.

⁹ Сарианиди 1990, 77.

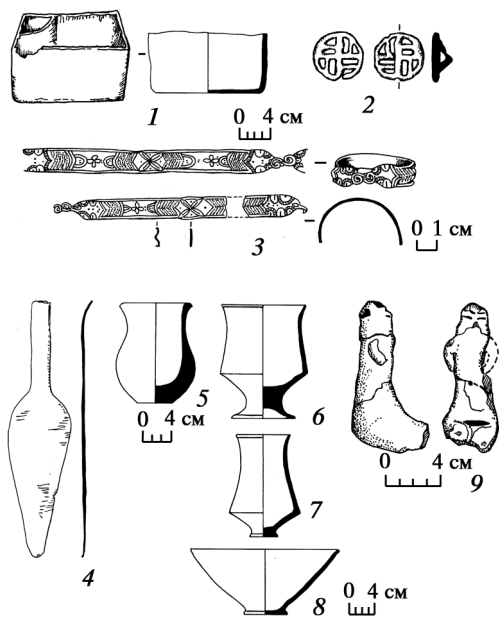

Рис. 1. Случайные находки эпохи средней бронзы из музейных коллекций

Среди этих археологических объектов особый интерес представляет бронзовая печать в экспозиции Хульбукского музея (рис. 1, 2). Печать округлой формы (диаметр 2,9 см) с петелькой и геометрическим крестовидным орнаментом. Подобные перегородчатые печати имеются в Иране на тепе Гиян¹⁴, на Гонуре в Маргиане и Южной Бактрии¹⁵. С. Сальватори относит такие печати к группе Metal Open-Work Compartment Seals и датирует их временем Намазга V¹⁶.

Несколько предметов происходят из могильника Пархар, который находится на возвышенности Урта-Боз около г. Пархара. Древние захоронения перекрыты мусульманским кладбищем. При сооружении современных могил в одном из захоронений бронзового века был найден фрагмент верхней части вазы и два серебряных браслетика (рис. 1, 3). Браслеты круглой формы (43 × 43 мм) и, очевидно, происходят из могилы ребенка. Застежки на концах браслетов сделаны в форме нескольких спиралевидных витков, входящих друг в друга. Рисунок выполнен гравировкой: тонкими линиями или точками. Композиция состоит из трех симметрично расположенных четырехлепестковых розеток, центральная из которых более крупная, а две другие имеют меньшие размеры. Розетки обрамлены орнаментом из угловидных или дугобразных линий и точек. Аналогии для четырехлепестковых розеток на пархарских браслетах ведут к южным оседлоземледельческим комплексам.

шем Ф.Л. Кол изменил свою точку зрения и называл эти памятники как БМАК¹⁰. В.М. Массон допускает возможность существования целой группы локальных цивилизаций, объединенных понятием «протобактрийский центр»¹¹. А. Аскарлов, Т. Ширинов предлагают объединить археологические оседлоземледельческие комплексы юга Средней Азии, Северо-Восточного Ирана и Северного Афганистана в культурное понятие, которое может быть названо намазгинской историко-культурной общностью – НИКО¹².

Памятники раннего и среднего бронзового века до недавнего времени не были найдены на юге Таджикистана. В 2007–2009 гг. по инициативе Б.А. Литвинского началось изучение памятников Хатлонской области, где в музеях Дангары, Хульбука и Куляба были представлены некоторые случайные находки, датируемые временем средней бронзы или переходным периодом от средней к поздней бронзе (Намазга V – ранняя Намазга VI)¹³.

¹⁰ Кол, 2005, 66–68.

¹¹ Masson, 1988, 536–541.

¹² Аскарлов, Ширинов, 1993, 42.

¹³ Виноградова 2008, 162–166; Kaniuth, Teufer, Vinogradova, 2006, 88.

¹⁴ Rashad, 1990, c. 198, fig. Va.1a.

¹⁵ Sarianidi 1998, N 803, 1579, 1587.

¹⁶ Salvatori, 2000, 118, 124.

Орнамент четырехлистника часто встречается на печатях, амулетах и других предметах памятников Южной Бактрии и Маргианы, датируемых временем поздней Намазга V – ранней Намазга VI (Дашлы 3¹⁷ Гонур¹⁸), а также на некоторых хлоритовых флаконах из разграбленных могильников Южной Бактрии¹⁹.

В экспозиции Кулябского музея находится еще один предмет, предположительно с этого же могильника. Это открытый сосуд прямоугольной формы с полукруглой внутренней перегородкой в одном из углов (рис. 1, 1). Размер сосуда 14.5×11.5 см, высота 7.5 см, вылеплен ручным способом. Он имеет очень близкие параллели с посудой (группа XIII) поселения и могильника Забанбаба в низовьях р. Зеравшан. На поселении встречено 7 сосудов такой формы, на могильнике – 12 сосудов. Исследователи на основании привозных сосудов с росписью с юга Средней Азии датируют заманбабинскую культуру временем Намазга V²⁰. Сходные сосуды известны из разграбленных могил Северной и Южной Бактрии²¹. П. Амье видит в них модели домов²².

В экспозиции музея Куляба представлен также очень интересный каменный сосуд из оникса, найденный в Кулябе при строительстве обувной фабрики (рис. 1, 5). По форме это небольшой кувшинчик высотой 11 см. Ближайшие аналогии подобным косметическим сосудам имеются в Сапаллитепа²³ и в могильнике Алтын-депе из погребений времени Намазга IV–V²⁴. Еще один предмет из этого же музея – бронзовый нож-кинжал, случайная находка из окрестностей г. Куляба (рис. 1, 4). Он удлинненно-линовидной формы, с плоским клинком и черенком. Длина ножа 26 см, наибольшая ширина клинка 6 см. Длина черенка 9.5 см, ширина 1.8 см, подобные ножи-кинжалы характерны для сапалли-джаркутанского этапа сапаллинской культуры, время поздней Намазга V²⁵.

Чрезвычайно интересные находки были сделаны А. Юсуповым в зоне Нурекского водохранилища²⁶. На одной из террас, идущей от хребта Санглок в сторону водохранилища, был открыт могильник Кругсай. На поверхности часть могил обозначена камнями в виде круга диаметром ок. 4 м. Другие погребения отмечены вертикально поставленными плитами из красного песчаника. Из шести раскопанных могил только в одной найдено кенотафное захоронение в яме (№ 3) с костяком барана и тремя лепными сосудами – кубок, миска и биконический сосуд (рис. 1, 6–8). Аналогии этой керамике имеются на памятниках Южной Бактрии – Дашлы 3²⁷. Рядом с погребением был расчищен очаг с обгоревшими костями. В середине очага найдена фигурка из плохо обожженной глины. Фигурка изображает человека в сидячей позе с вытянутыми ногами. На голове и теле фигурки сохранились следы черной краски (рис. 1, 9). Автор раскопок А. Юсупов сравнивает ее со статуэтками Геоксюрского оазиса Южной Туркмении времени Намазга III.

Особенно интересные материалы были получены в 2007–2008 гг. при раскопках могильника Гелот, где *in situ* в земледельческих погребениях были найдены

¹⁷ Сариниди, 1984, 23, рис. 16, 4.

¹⁸ Дубова, 2004, 257, рис. 3.

¹⁹ Amiet 1986, fig. 159.

²⁰ Гулямов и др. 1966, 148, 163.

²¹ Сариниди 1979, 26–27; Amiet 1977, 102, рис. 12.

²² Amiet 1977, 96.

²³ Аскарлов 1977, табл. XXIV, 1–2.

²⁴ Хронология 2005, 402, рис. 23, 15–21.

²⁵ Kaniuth 2006, 97, Abb. 99–100.

²⁶ Юсупов, 1991, 161.

²⁷ Сариниди, 1977, 62, рис. 25.

Рис. 2. Аэрофотосъемка окрестностей селения Гелот и сводный план раскопов

вещи, датируемые переходным периодом от средней к поздней бронзе. Кишлак Гелот находится в 6 км к северо-западу от г. Куляб и расположен на второй пойменной террасе р. Яхсу. На адырных лёссовых холмах, примыкающих к кишлаку с северо-запада, было заложено несколько раскопов (рис. 2). Наиболее интересные результаты были получены на раскопах 4, 5 и 6, где были открыты погребения сапаллинской и вахшской культур²⁸. В некоторых случаях удастся проследить их стратиграфическое положение и конструкцию. Стратиграфия залегания почв на раскопах следующая: современный гумусный слой составляет от 20 до 30 см, древний гумусный горизонт ок. 40 см и далее следуют лёссовые почвы: лёсс с журавчиками – ок. 0.8 м и далее чистый лёсс. На границе этих лёссовых слоев, на глубине 1.1–1.3 м, встречаются могилы вахшской культуры с ямной конструкцией погребений. Ниже, на глубинах 1.9–2.2 м, в слое чистого лёсса находятся захоро-

²⁸ Виноградова, Кутимов, Ломбардо, 2009, 105–146.

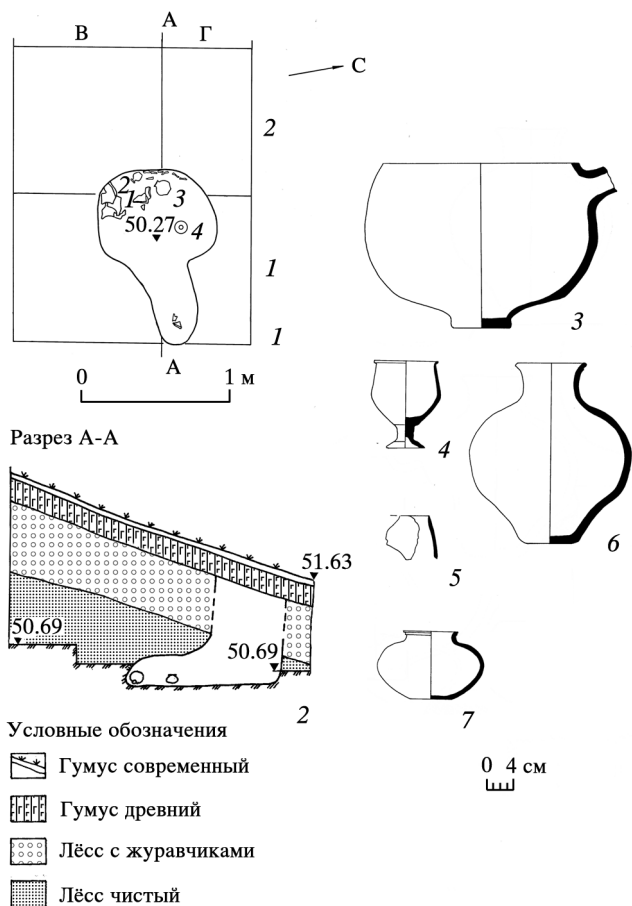

Рис. 3. Гелот. Раскоп 4, погребение 2: 1–2 – план и разрез; 3–8 – керамика

нения земледельческой сапаллинской культуры. В некоторых случаях вахшские погребения перекрывают сапаллинские²⁹.

За три раскопочных сезона было открыто всего несколько земледельческих погребений. Захоронения находятся на значительном расстоянии друг от друга, иногда ок. 6 м. Характерна подбойно-катакомбная конструкция могильных сооружений³⁰. Для этих погребений с древнего горизонта холма вертикально или под углом прокапывалась входная яма. Затем в стенке дромоса в сторону повышения склона делался подбой, так что погребальная камера оказывалась на довольно большой глубине. Наиболее интересные результаты были получены при исследовании погребений № 2 и № 3 раскопа 4 и особенно богатого захоронения № 2 раскопа 6.

Погребение № 2 (раскоп 4) – кенотаф подбойного типа (рис. 3, 1–2). Входная яма прослеживается с глубины 1.2 м от дневной поверхности, овально-продолговатой формы, размером 1 × 0.6 м, глубиной 1.2 м. Погребальная камера вырыта в юго-западной стенке дромоса в сторону повышения склона холма. Камера размером 1.4 × 1.6 м, высота свода 0.4 м. В ее южной части расчищены обломки боль-

²⁹ Виноградова, Кутимов, Тойфер 2010, 399, рис. 9.

³⁰ Отличие катакомбной конструкции от подбойной состоит только в том, что в катакомбе погребальная камера находится на 20–30 см ниже входной ямы.

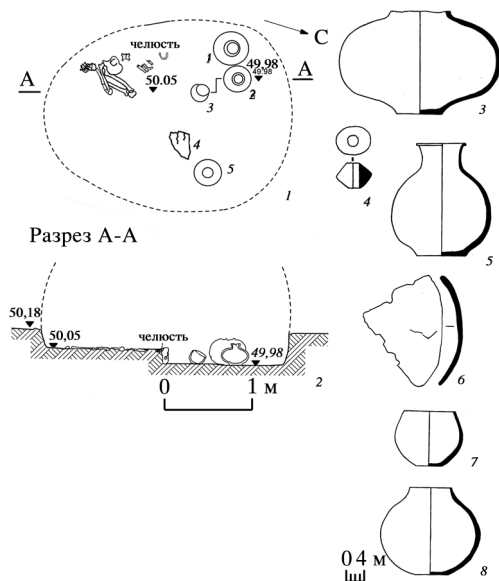

Рис. 4. Гелот. Раскоп 4, погребение 3: 1–2 – план и разрез; 1–3, 5–8 – керамика, 4 – каменное прясло

ции, на левом боку, головой на северо-запад. Пол определяется как женский и возраст как *Maturus*. В северной части погребальной камеры расчищены 4 гончарных сосуда и фрагмент стенки кухонной посуды, используемый в виде тарелки (рис. 4, 3, 5–8). В одном из сосудов (рис. 4, 3) обнаружено пряслице из мраморовидного известняка (рис. 4, 4). Среди посуды различаются формы горшковидного сосуда с подкосом, двух кувшинов и глубокой чаши. Красный ангоб покрывает всю внешнюю поверхность «чаши» и частично горшковидного сосуда, белый – кувшинов.

Погребение № 2 (раскоп 6) стратиграфически перекрывается вахшским захоронением № 1³¹. Входная яма фиксируется на глубине 0.6 м от поверхности холма. Глубина дромоса около 1.2 м (рис. 5, 1–2). Погребальная камера вырыта в северо-восточной стенке входной ямы в сторону повышения склона. В разрезе входной ямы хорошо видны куски плотной глины с растительными примесями (кирпичи?). Размеры «кирпичей» 20 × 20 × 30 см, 12 × 12 × 20 см. Они закрывали вход в погребальную камеру. В камеру вела ступенька высотой ок. 40 см. Погребальная яма овально-вытянутой формы 2.6 × 1.6 м; высота свода предположительно 0.9 м. Камера как бы разделена на две половинки – на восточную и западную. В восточной части расчищен скелет в скорченной позиции, на левом боку, головой ко входной яме. Руки лежат перед лицом, головой погребенный ориентирован на юго-восток, лицом на запад. В западной части погребальной камеры было найдено 11 сосудов (рис. 5, 3–13). Вся посуда гончарная, большая часть покрыта темно-красным ангобом по всей поверхности сосуда. Различаются следующие формы погребальной посуды: миниатюрная ваза на ножке, большая чаша от вазы, два кувшина (один с высоким горлом), четыре глубокие чаши, кубковидный сосуд и горшковидный сосуд с подкосом, глубокая миска. У пяточной кости правой ноги найдена мрамор-

шого красноангобированного гончарного сосуда с носиком (рис. 3, 3) и рядом находились еще три круговых сосуда: красноангобированный кубок на ножке (рис. 3, 4), кувшин (рис. 3, 6) и небольшой сосуд горшковидной формы (рис. 3, 7). Последние два – с белым ангобом. В заполнении погребальной камеры найдены разрозненные кости барана, встречаются фрагменты красноглиняного сосуда очень плохого обжига (рис. 3, 5). Скелет отсутствует.

Погребение № 3 (раскоп 4). На глубине 1.9 м от дневной поверхности расчищена погребальная камера размером 2 × 1.7 м (рис. 4, 1–2). Входная яма предположительно находилась в юго-восточной части погребения. В камере на небольшом возвышении, лежали отдельные части скелета: длинные кости нижних конечностей (согнуты под острым углом), тазовые кости, позвонки, ребра и челюсть с зубами. Погребенный лежал в скорченной пози-

³¹ Виноградова, Кутимов 2008, 102 сл.

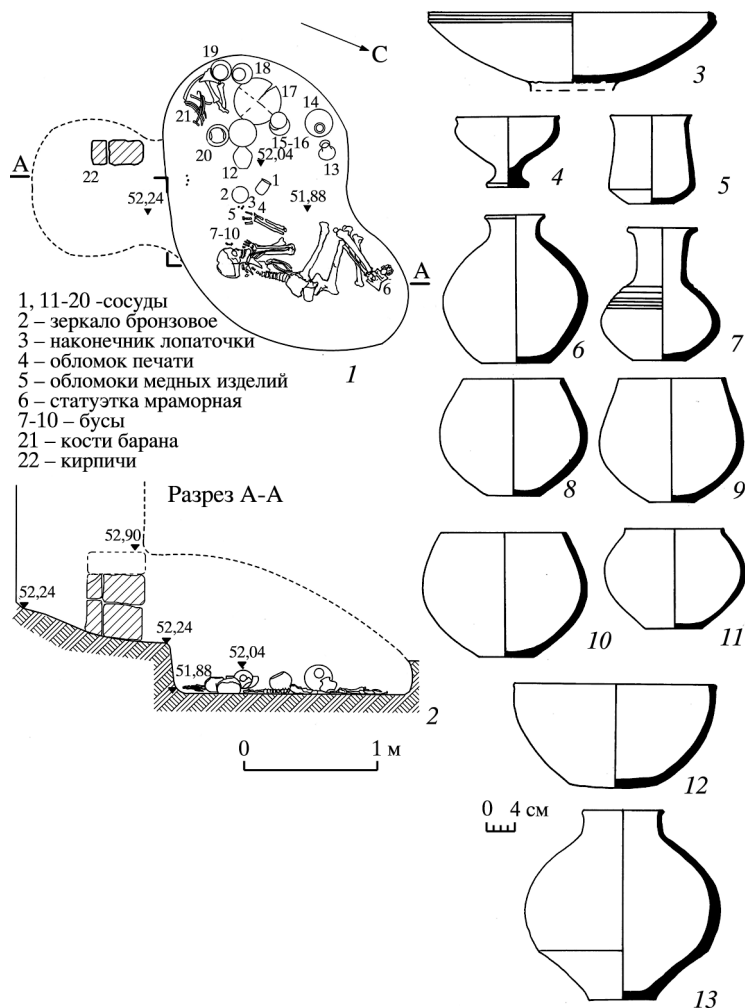

Рис. 5. Гелот. Раскоп 6, погребение 2: 1–2 – план и разрез; 3–13 – керамика

ная фигурка человека (рис. 6). У лобной кости черепа расчищены три лазуритовые и одна золотая бусины. У левой руки скелета находилось зеркало округлой формы без ручки. Рядом с зеркалом найдены фрагмент каменной печати и небольшие фрагменты бронзовых предметов (рис. 7). Из этих обломков различима лишь форма «лопаточки». У входа в камеру также расчищены мелкие фрагменты бронзовых вещей. Слева от входной ямы в кучку были сложены кости барана (ребра, лопатка, ноги). По определению антрополога А.И. Нечволода череп умершего – долихронной формы с выступающим подбородком. Сохранившийся лицевой скелет посмертно деформирован. Пол женский, возраст *Maturus I* (35–40 лет)³².

³² Нечволода 2010, 144–149. А.И. Нечволода, учитывая общую грацильность черепа, выраженную долихокранно, резкую профилированность лица и значительную его высоту, а также не широкое (среднеширокое) лицо, связывает череп из Гелота с гипоморфными долихокранными европеоидами юга Средней Азии (Гонур, Сапалитепа, ранний Джаркутан). А.И. Нечволода предлагает графическую реконструкцию черепа и воспроизводит внешний облик умершей (Нечволода 2010, 149, рис. 5–6).

Рис. 6. Гелот. Раскоп 6, погребение 2. Каменная фигурка

В 1.5 м к северо-западу от погребения 2 на глубине 1.75 м от современной дневной поверхности расчищена бронзовая булавка с крюковидной головкой (рис. 8, 7). Последняя найдена вне всякого погребального контекста и, скорее всего, ее можно отнести к сопровождающему инвентарю погребения № 2³³.

Далее обратимся к рассмотрению погребального инвентаря описанных выше погребений в Гелоте.

КЕРАМИКА

Все сосуды из этих захоронений, за исключением одного фрагмента стенки сосуда в погребении № 3 раскопа 4, представлены столовой посудой. Керамика изготовлена на гончарном круге быстрого вращения из плотного теста без видимых примесей. Почти вся посуда по всей поверхности с внешней и внутренней стороны (чаши) покрыта темно-красным ангобом, несколько сосудов – с белым ангобом. Поверхность

большинства сосудов – нелощенная. Различаются следующие формы сосудов:

I. Чаши на ножке (вазы).

Выделяется два типа этой формы:

1. Ваза с чашей конической формы (сохранилась только верхняя часть), венчик загибается внутрь и оформлен рельефными поясами. На дне чаши видны следы прикрепления к ножке сосуда (рис. 9, 1);

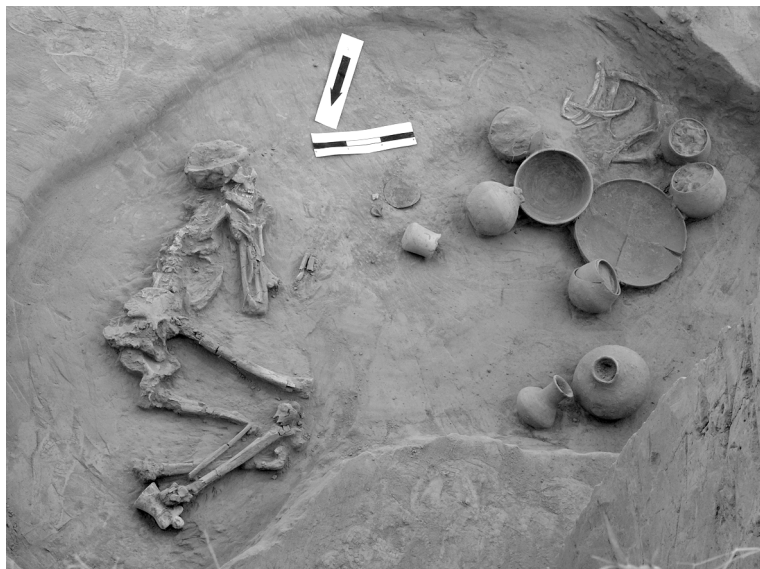

Рис. 7. Гелот. Раскоп 6, погребение 2

³³ В лессе хорошо видны норы, прорытые мелкими грызунами.

2. Второй тип вазы – чаши цилиндрической формы, на сплошной низкой ножке с дисковидным основанием. Края чаши выделены (рис. 9, 2).

II. Кубки и кубковидные сосуды.

1. Кубок биконической формы, с отогнутым венчиком и на низкой ножке с кольцевым поддоном. Четко выражено ребро подкоса тулова (рис. 9, 3);

2. К кубковидным сосудам³⁴ относится только один экземпляр. Он грушевидной формы с ребром в нижней части сосуда (рис. 9, 4).

III. Кувшины и графины.

Выделяется два типа этой формы:

1. Сосуд с высоким узким выделенным горлом, отогнутым наружу венчиком. Тулово – биконической формы с усеченной конической придонной частью (рис. 9, 6).

2. Отличается от первого сферо-конической формой тулова (рис. 9, 7–8).

3. Графин с узким высоким горлом, отогнутым наружу венчиком и сферическим туловом. На плечиках сосуда имеются рельефные горизонтальные линии (рис. 9, 5).

IV. Глубокие чаши биконической формы с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 9, 9–14). В погребениях имеется 6 сосудов этой формы.

V. Миска глубокая с широким устьем, слегка отогнутым наружу венчиком и конической нижней частью (рис. 9, 15).

VI. Сосуды со сливом представлены одним экземпляром из погребения 2 раскопа 4 (рис. 9, 16). Форма открытая со сферо-коническим туловом и подкосом в нижней части. Венчик срезан и загнут внутрь, на плечиках – короткий носик трубчатой формы.

VII. Горшковидные сосуды.

Различается несколько вариантов:

1. Сосуды сферо-конической формы с подкосом в нижней части и слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 9, 17–18). Наибольший диаметр тулова почти равен высоте сосуда.

2. Сосуды с шаровидно вытянутым в ширину туловом, сильно отогнутым венчиком и подкосом в нижней части. Диаметр тулова значительно превышает высоту сосуда (рис. 9, 19, 20, 22).

3. Горшковидный сосуд грушевидной формы со срезанным венчиком, загибающимся внутрь. Плечики слегка выделены (рис. 9, 21).

Посуду из земледельческих погребений могильника Гелот возможно соотнести с материалами сапалли-джаркутанского этапа сапаллинской культуры. При этом

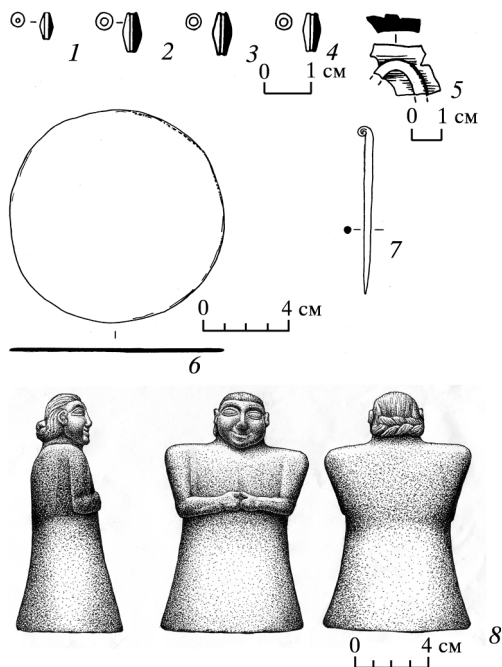

Рис. 8. Гелот. Раскоп 6, захоронение 2. Погребальный инвентарь: 1–4 – бусы; 5 – фрагмент каменной печати; 6 – зеркало; 7 – булавка; 8 – статуэтка

³⁴ Название условное, так как у формы нет ножки. Отличается небольшими размерами и тонкими стенками сосуда.

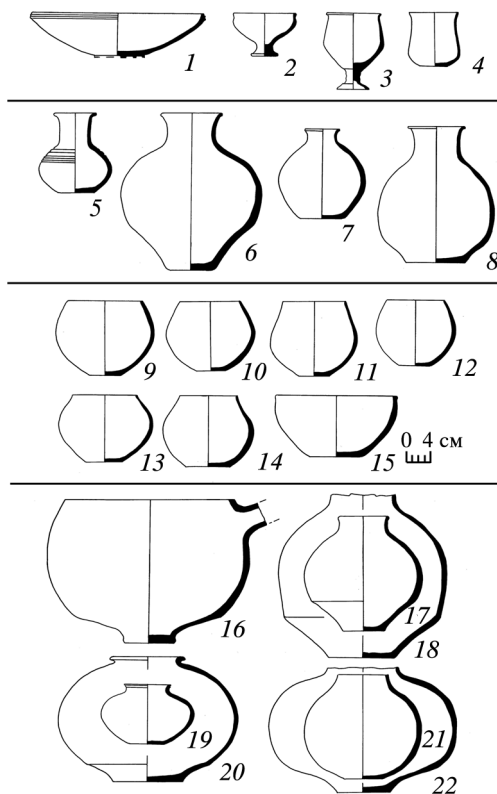

Рис. 9. Гелот. Формы керамики из земледельческих погребений

некоторые формы, такие, как кубки (тип 1), кувшины (тип 1–3), сосуды со сливом, могут быть сопоставимы с посудой из могильников Сапаллитепа³⁵, Дашлы 1³⁶, Алтын-депе (слои Намазга V)³⁷. Другие керамические формы – вазы (тип 1–2), кубки (тип 2), чаши, горшковидные сосуды (тип 2) обнаруживают более близкие параллели со второй фазой сапаллинской культуры (Джаркутан I)³⁸ и Дашлы 3³⁹.

В погребениях кроме керамики среди сопровождающего инвентаря встречаются бронзовые предметы (булавка, зеркало), бусы лазуритовые и одна золотая, фрагмент каменной печати, мраморная антропоморфная фигурка – все эти предметы из погребения № 2 раскопа 6. Только одно мраморное прясло найдено в захоронении № 3 раскопа 4.

БРОНЗОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Зеркало округлой плоской формы (10.2 × 10.2 см) без ручки найдено около левой кисти погребенной (рис. 8, 6). По классификации К. Каниута зеркало относится к варианту А-2-2⁴⁰. Зеркала этой формы встречаются в широком территориальном, хронологическом и культурном

диапазоне, в женских погребениях – в Сапаллитепе, Джаркутане, Намазга-депе, Алтын-депе, Саразм, Дашлы 3, Гонур, Тигровая Балка и т.д.⁴¹

Булавка с крюковидной круглой головкой расчищена рядом с захоронением № 2 раскопа 6 (рис. 8, 7). Длина стержня 7.7 см, ширина ок. 4 мм. Результаты эмиссионного спектрального анализа позволяют определить химический состав булавки⁴². Основной металл, из которого изготовлена булавка, – медь с незначительной примесью свинца (1.4%). Булавка из Гелота по классификации К. Каниута относится к типу F5⁴³. Ближайшие аналогии нашей булавке имеются в Джаркутане⁴⁴ и

³⁵ Аскаров 1973, 72, рис. 33; 159, табл. 19, 6; 1977, 65, рис. 32.

³⁶ Francfort 1989, 348, fig. 30, 21; 355, fig. 37, 18; 359, fig. 41, 18–19.

³⁷ Хронология 2005, 370, рис. 14, 28–29; 373, рис. 16, 27, 29, 31.

³⁸ Širinov, Baratov 1997, 69, Abb. 2, 6; 74, Abb. 6, 12; Аскаров, Абдуллаев 1983, 17, тип II 1.

³⁹ Francfort 1989, 351, fig. 33, 33, 45; 356, fig. 38, 17–18; 357, fig. 39, 33. А. Франкфор считает материалы Дашлы 1 более ранними по сравнению с Дашлы 3 и синхронизирует Дашлы 1 с сапаллинским этапом, а Дашлы 3 с Джаркутан I (Francfort 1989, 368).

⁴⁰ Kaniuth 2006, 72.

⁴¹ Kaniuth 2006, 73.

⁴² Анализ выполнен А.Н. Егорьковым в лаборатории археологической технологии ИИМК (Санкт-Петербург).

⁴³ Kaniuth 2006, 119.

⁴⁴ Širinov 2002, рис. 58/A, 9.

в Дашлы 1.3⁴⁵. Ареал распространения этой формы булавки от долины Инда до Юго-Западного Ирана.

Еще один фрагмент бронзового предмета был исследован с помощью эмиссионного спектрального анализа⁴⁶. В отличие от первого анализа в сплав меди кроме свинца (1%) добавлен мышьяк (0.8%). Сплавы меди с мышьяком и свинцом хорошо известны в сапаллинской культуре – Сапаллитепе, Джаркутан⁴⁷, в Северном Афганистане на дашлинских памятниках⁴⁸, в Маргиане⁴⁹ и в Южной Туркмении – Алтын-депе⁵⁰.

Кроме зеркала у лобной кости черепа погребенной были расчищены три лазуритовые (рис. 8, 2–4) и одна золотая бусины (рис. 8, 1). Они удлиненные, бочковидной формы. Наиболее близкие аналогии бусам из Гелота имеются в Сапаллитепе, где была найдена золотая бусина и лазуритовые пронизки⁵¹, в Дашлы 3⁵². Лазуритовые бусы бочонковидной формы периода ранней и средней бронзы имеют широкий круг аналогий в Сузах и Центральной Азии – Шахри Сохта, Мундигаке, Саразме, Алтын-депе⁵³, Гонуре⁵⁴.

В этом же захоронении рядом с зеркалом был найден фрагмент каменной печати или амулета из розового мрамора (рис. 8, 5). На печати сохранилось рельефное орнаментальное изображение розетки, скорее всего, четырехлепестковой (?). Аналогии таким розеткам имеются среди металлических печатей в Алтын-депе⁵⁵, Шахри-Сохта⁵⁶ и на амулетах из серпантина в Маргиане⁵⁷.

Из других находок в погребениях следует упомянуть прясло биконической формы из мраморовидного известняка в одном из сосудов погребения № 3 раскопа 4 (рис. 4, 6). Такие каменные пряслица⁵⁸ часто находят в погребениях, иногда они орнаментированы кружочками или насечками: Сапаллитепе⁵⁹, Дашлы 3⁶⁰, Сумбар I⁶¹, Алтын-депе в слое позднего Намазга V⁶², в Гонуре⁶³.

Самая замечательная находка была сделана в богатом захоронении № 2 раскопа 6, где под пяточной костью правой ноги умершей была расчищена каменная фигурка человека (рис. 6; 7; 8, 8)⁶⁴. Фигурка лежала на спине, лицом

⁴⁵ Сарияниди 1977, 83, рис. 42.

⁴⁶ Исследование проведено сотрудником Государственного научно-исследовательского института реставрации (г. Москва) А.Ф. Дубровиным на приборе СТЭ-1.

⁴⁷ Kaniuth 2006, 107.

⁴⁸ Сарияниди 1977, 71.

⁴⁹ Терехова 1990, 184.

⁵⁰ Хронология 2005, 383

⁵¹ Аскаров 1977, 74–75.

⁵² Сарияниди 1977, 104.

⁵³ Casanova 1994, 140.

⁵⁴ Sarianidi 2007, 115, рис. 207; 151, рис. 29.

⁵⁵ Массон 1981, табл. XVI, 8.

⁵⁶ Salvatori 2000, 115, рис. 11, 10 – тип 8.

⁵⁷ Sarianidi 1986, 222.

⁵⁸ Иногда их называют как бусы-пряслица.

⁵⁹ Аскаров 1973, рис. 47, 14.

⁶⁰ Сарияниди 1977, рис. 54, 5.

⁶¹ Хлопин 1983, табл. LXII, 1–14.

⁶² Хронология 2005, рис. 21, 58–62.

⁶³ Сарияниди 2001, 159, рис. 6, 9.

⁶⁴ Спектральный анализ Центральной лаборатории Управления геологии г. Душанбе показал, что статуэтка изготовлена из мягкого белого камня – ангидрита (разновидность гипса). Этот камень встречается в неогеновых породах Афгано-Таджикской депрессии. Вес фигурки 555 г.

вверх. Высота статуэтки 13.2 см, ширина плеч 8.2 см. Нижняя часть фигурки вырезана в форме усеченного конуса, и он является основанием, на котором стоит статуэтка. Голова округлой формы с выделенным прямым носом, подбородком и «улыбающимися» губами. Уголки губ как бы растянуты в улыбке. Глаза большие, миндалевидной формы. Переход от головы к плечам плавный, шея короткая, плечи широкие. Руки сложены на поясе, большие пальцы слегка подняты вверх и соприкасаются между собой. Другие пальцы сжаты в кулак. Прекрасно моделированы уши и прическа. Ушная раковина и мочка эллипсовидной формы. Волосы прямые, прочерчены тонкими углубленными линиями. На концах они собраны в косу и свернуты валиком на затылке в пучок. Признаки пола у фигурки отсутствуют. Предположительно статуэтка изображает фигуру мужчины⁶⁵. Судя по положению рук, фигурка изображает человека в молитвенной позе.

Находка статуэтки из погребения № 2 раскопа 6 в Гелоте, в отличие от керамического материала, не находит прямых аналогий в бактрийско-маргианских комплексах. По стилю исполнения эту фигуру можно сопоставить с месопотамской пластикой раннединастического времени – широкие плечи, широко расставленные руки, изображение лица с «улыбающимися губами» и большими глазами миндалевидной формы. Для сравнения могут быть приведены статуэтки, которые изображают фигуры в молитвенной позе («*Beterstatuetten*»), – руки всегда сложены на груди или на поясе, смиренная поза выражает просьбу к богу. Многие фигурки с надписями (имя бога или жертвователя). Их находят среди храмовых предметов, в алтарях, под полами, в фундаментах святилища⁶⁶. После смерти жертвователя фигурка могла почитаться как изображение предков⁶⁷. Более ранние находки этих статуэток происходят из области Дияла, более поздние – из Мари. Статуэтка из Гелота по общей манере исполнения лица, рук может быть сравнима со скульптурой из Мари⁶⁸.

Фигурка из Гелота, кроме выше приведенных параллелей с месопотамской скульптурой, имеет определенное сходство в бактрийской и маргианской пластике. Это тонкая моделировка глаз, ушной раковины и прически. В Гонуре было найдено серебряное навершие булавки⁶⁹. Оно изображает женщину, сидящую в кресле и одетую в каунакес. Лицо ее отлично от гелотской фигурки, но есть большое сходство в изображении больших миндалевидных глаз, ушных раковин эллипсовидной формы и прически. Волосы прочерчены тонкими углубленными линиями, уложены валиком на затылке. Эта прическа характерна для бактрийских составных статуэток⁷⁰. Интересны черты лица и прически фигурки, изображенной на печати из Северного Афганистана. Это богиня, сидящая на льве. Глаза большие, миндалевидные. Уголки губ растянуты в улыбке. Волосы собраны в пучок. С. Винкельман проводит аналогии с цилиндрическими печатями некрополя А Шахдада и датирует их Раннединастическим периодом до начала аккадского времени⁷¹.

⁶⁵ С. Винкельман считает, что это не мужское, а женское изображение (устное сообщение).

⁶⁶ Braun-Holzinger 1997, 1.

⁶⁷ Braun-Holzinger 1997, 19.

⁶⁸ Braun-Holzinger 1997, Taf. 24 a, d; Taf. 30, a, b.

⁶⁹ Сарианиди 1995, 78, рис. 3.

⁷⁰ Pottier 1984, pl. XVI, 303.

⁷¹ Winkelman 2004, 71; 190, fig. 5.

Другая линия параллелей статуэтки из Гелота может быть проведена с Восточным Ираном, где в Шахдаде на некрополе А были найдены глиняные статуи в молитвенной позе. Они довольно больших размеров от 45 до 97 см⁷², и некоторые имеют портретное сходство с умершими. Характерны скульптуры, вылепленные под влиянием месопотамской пластики – широкие плечи, широко расставленные руки. Они сложены на груди или на поясе. Именно эти элементы в изображении торса статуй сближают гелотскую статуэтку с Шахдадом⁷³.

Подводя итоги описанию статуэтки из Гелота мы склоняемся к мнению, что она была изготовлена в Бактрии мастерами из местного камня (ангидрат) под влиянием месопотамских эталонов. Связи с Эламом и Месопотамией осуществлялись через Северный Афганистан и Восточный Иран. Находка каменной статуэтки в Гелоте еще раз подтверждает мнение П. Амье об определенном воздействии Элама («второго Шумера») на сложение бактрийской цивилизации. «Граница сферы влияния Элама, сначала находившаяся в Восточном Иране, продвинулась до Бактрии»⁷⁴.

Земледельческие захоронения раннесапаллинского периода в Гелоте можно датировать временем поздней Намазга V – ранней Намазга VI и соотнести их с культурами аккадской эпохи, III династии Ура в Месопотамии, с культурами эламской эпохи в Западном Иране, с Гиссаром IIIc в Северо-Восточном Иране и Шахдад (III период) в Юго-Восточном Иране. По радиоуглеродным датировкам это время с 2300 по 1600 г. до н.э.⁷⁵ Поскольку на памятниках Юго-Западного Таджикистана наблюдается «эффект» культурного запаздывания⁷⁶ мы можем отнести их к первой половине II тыс. до н.э. Все приведенные выше единичные археологические находки, материалы раскопок в Гелоте свидетельствуют о появлении земледельческого населения в Юго-Западном Таджикистане уже в эпоху средней бронзы, т.е. в первой половине II тыс. до н.э. Население, оставившее здесь эти памятники, генетически связано с земледельческими племенами Южной (Дашлы 1, 3) и Северной Бактрии (сапаллинская культура). Художественные изделия Древней Бактрии, особенно в области торевтики и глиптики, испытывают сильное влияние новошумерского стиля. «Западные, особенно месопотамские эталоны отвечали культурным и интеллектуальным запросам местного общества, активно продвигающегося по пути цивилизации»⁷⁷.

Литература

- Аскарлов А.А. 1973: Сапаллитепа. Ташкент.
Аскарлов А.А. 1977: Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент.
Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н. 1983: Джаркутан. Ташкент.
Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. 1993: Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд.
Виноградова Н.М. 2004: Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М.
Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. 2008: Памятники Кангуртута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзовый век). М.

⁷² Nakemi, Sajjadi 1990, 147.

⁷³ Nakemi 1997, N 1479, 3432, 3520.

⁷⁴ Amiet 1990, 135.

⁷⁵ Франкфор 1997, 60.

⁷⁶ Масон 1982, 13.

⁷⁷ Массон 2006, 81.

Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. 2008: Богатое земледельческое погребение эпохи бронзы в Гелоте // Проблемы культурогенеза и культурного наследия. Сб. статей к 80-летию В.М. Массона / С.Б. Белецкий, Л.Б. Кирчо (ред.). СПб., 102–116.

Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Д. 2009: Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы в 2007 году в Хатлонской области Таджикистана // АРТ. Вып. XXXIII, 105–143.

Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Тойфер М. 2010: Погребения эпохи бронзы в окрестностях кишлака Гелот на юге Таджикистана // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В.И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб., 389–411.

Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. 1966: Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зерафшана. Ташкент.

Дубова Н.А. 2004: Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // Сб. статей к 75-летию В.И. Сарияниди. / М.Ф. Косарев, П.М. Кожин, Н.А. Дубова (ред.). М., 254–281.

Кол Ф.Л. 2005: Трансформация культуры от мобильных скотоводов к оседлым земледельцам (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс) // РА. 1, 64–71.

Литвинский Б.А. 1962: Древности Кайра-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе.

Литвинский Б.А. 1973: Археологические работы в Таджикистане в 1962–1970 гг. (Некоторые итоги и проблемы) // АРТ. Вып. X, 5–41.

Литвинский Б.А., Соловьев В.С. 1972: Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане // Успехи Среднеазиатской археологии. Вып. 1. Л., 41–47.

Массон В.М. 1981: Алтын-депе. Л.

Массон В.М. 1982: Диалектика традиций и инноваций и культурный процесс в Древней Бактрии // Древнейшие культуры Бактрии. Среда, развитие, связи. Тезисы первого советско-французского симпозиума «Археология в Древней Бактрии». Душанбе.

Массон В.М. 2006: Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб.

Нечвалода А.И. 2010: Череп из богатого земледельческого погребения эпохи бронзы в Гелоте // АРТ. Вып. XXXIII, 144–149.

Пьянкова Л.Т. 1979: Отчет о работе Нурекского археологического отряда // АРТ. Вып. XIV.

Пьянкова Л.Т. 1987: О раскопках на поселении бронзового века Тегузак в 1980 году // АРТ. Вып. XX, 78–92.

Пьянкова Л.Т. 1994: Работа Байпазинского отряда на поселении бронзового века Дахана // АРТ. Вып. XXV, 151–161.

Пьянкова Л.Т. 1998: Энеолит и бронзовый век // История Таджикского народа. Душанбе, 124–200.

Сарияниди В.И. 1977: Древние земледельцы Афганистана. М.

Сарияниди В.И. 1979: К вопросу о культуре Заманбаба // Этнография, археология Средней Азии. М., 23–28.

Сарияниди В.И. 1984: Раскопки монументальных зданий на Дашлы-3 // Древняя Бактрия. М., 5–32.

Сарияниди В.И. 1990: Древности страны Маргуш. Ашхабад.

Сарияниди В.И. 1995: Составные статуэтки Бактрии и Маргианы // ВДИ. 1, 75–79.

Сарияниди В.И. 2001: Некрополь Гонура и иранское язычество. М.

Терехова Н.Н. 1990: Обработка металлов в Древней Маргиане // Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 177–202.

Франкфор А.-П. 1997: Печати Окса: разнообразие форм и изменяемость функций // ВДИ. 4, 60–68.

Хлопин И.Н. 1983: Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л.

Хронология 2005: Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе) / В.М. Массон, Ю.Е. Березкин (ред.). СПб.

Юсупов А.Х. 1991: Археологические исследования Байпазинского и Вахшского археологического отрядов в 1983 г. // АРТ. Вып. XXIII, 151–164.

Amiet P. 1977: Bactriane proto-historique / Syria. 54, 89–129.

Amiet P. 1986: L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P.

Amiet P. 1990: Elam and Bactria // Ligabue G., Salvatori S. Bactria – an Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan. Venedig, 125–140.

- Braun-Holzinger E.A.* 1997: Frühdynastische Beterstatuetten. B.
- Casanova M.* 1994: Lapis Luzuli Beads in Susa and Central Asia: a Preliminary Study // SAA. 1993. Vol. I. Helsinki, 1994, 137–145.
- Francfort P.-H.* 1984: The Early Periods of Shortughai (Harappan) and the Western Bactrian Culture of Dashly // SAA (1981). Cambridge, 170–175.
- Francfort P.-H.* 1989: Fouilles de Shortughai. Recherches sur l'Asie centrale protohistorique. P.
- Hakemi A.* 1997: Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. Rome.
- Hakemi A., Sajjadi S.* 1990: Shahdad Excavations in the Context of the Oases Civilization Bactria / G. Ligabue, S. Salvatori (eds.). An Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan. Venedig, 141–153.
- Kaniuth Kai.* 2006: Metallobjekte der Bronzezeit aus Nordbaktrien // Archäologie in Iran und Turan. Bd 6. Mainz.
- Kaniuth K., Teufer M., Vinogradova N.* 2006: Neue bronzzeitliche Funde aus Südwest Tadschikistan // AMIT.
- Kohl Ph.L.* 1981: The Namazga Civilization: an Overview // The Bronze Age Civilization of Central Asia: Recent Soviet Discoveries. N.Y.
- Masson V.M.* 1988: The Proto-Bactrian Group of the Civilization in the Ancient East // Antiquity. 63, 536–541.
- Pottier M.-H.* 1984: Matériel funéraire de la Bactriane Méridionale de l'âge du bronze. P.
- Rashad M.* 1990: Die Entwicklung der vor- und frögeschichtlichen Stempelsiegel in Iran: im Vergleich mit Mesopotamien, Syrien und Kleinasien von ihren Anfängen bis zum Beginn des 3 Jahrtausends v. Chr. // AMI. Bd 13.
- Salvatory S.* 2000: Bactria and Margiana Seals. A New Assessment of Their Chronological Position and Typological Survey // EW. Vol. 50. № 1–4, 97–145.
- Sarianidi V.* 1986: Die Kunst des alten Afghanistan. Lpz.
- Sarianidi V.* 1998: Myths of Ancient Bactria and Margiana on the Seals and Amulets. M.
- Sarianidi V.* 2007: Necropolis of Gonur. Athens.
- Širinov N.S.* 2002: Die frühurbane Kultur der Bronzezeit im südlichen Mittelasi. Die vorgeschichtliche Siedlung Džarkutan // AMIT. Bd 34, 1–170.
- Širinov T., Baratov S.* 1997: Bronzezeitliche Grabstätten aus der Nekropole Dzarkutan 4 C (Süd-Uzbekistan) // AMIT. Bd 29, 65–120.
- Winkilmann S.* 2004: Seals of the Oasis from the Ligabul Collection. Il Punto.

MONUMENTS OF THE MIDDLE BRONZE AGE IN SOUTH-WESTERN TAJIKISTAN

N. M. Vinogradova

Till recently only monuments of the Late Bronze Age had been discovered and unearthed in South-Western Tajikistan. However, occasional finds in the museums of Danghara, Hulbuk and Kulob made it probable that monuments of the Early and Middle Bronze Age could be found here. Archaeological research at Gelot proved this to be true. Materials excavated at the burial ground of Gelot, especially a stone statuette from a peasant's grave belonging to the early Sapalli-tepe culture, show that in the late III – early II millennium BC a civilization which developed there combined in its culture Mesopotamian and Elamite models with local Bactrian traditions.